

человеке личностных его потенций. Даже сам бог в этой системе рассуждений живет таким вот антитетическим образом. Средневековый схоласт правомочен спросить: «*Может ли бог сотворить такой камень, который сам не сможет поднять?*» Сама возможность, как остроумно отмечает Библер, божеской немощи только и делает его человеком (то бишь богом) — всеильным и всемогущим — христианского антитетического средневековья. Быть противопоставлено не быть, бытие — небытию, но не по принципу омонимической пары — иначе. Вытеснение вещественной телесности, то есть как будто вытеснение бытия вещи и погружение ее в небытие, оборачивается не небытием, аннигилирующим вещь, а как раз максимальным бытием именно в силу причастности к богу. Он-то и мыслится как всецело существующий, как наиконкретнейшая личность. Возможно и обратное движение антитетической мысли: от не быть к быть. Разумеется, это лишь схема, обедненная столь кратким ее пересказом. Но важно обратить внимание на самое суть дела. В пределах антитетизма осмысливается проблема, поставленная М. М. Бахтиным: церковно-догматическое — народно-смеховое. Канонически средневековое — внеофициально алхимическое.

А ТЕПЕРЬ, помня Большой текст средневековья, выполняющий для малого алхимического текста роль историко-культурного контекста, можно обратиться к этому малому тексту и на его относительно локализованной территории обнаружить тот же самый специфически средневековый алгоритм мышления. Пусть не столь ёмко, зато более рельефно — под увеличительным стеклом средневековой камеры-обскуры с кривозеркальным алхимическим искажением.

В алхимии теза и антитезы канонического средневековья обретают иную, варварски деформированную жизнь, выявляя особенности средневекового мышления. Алхимия — пересмешник канонического средневековья. Она же — и часть средневековой культуры.

Первоматерия алхимиков — это не актуальное отсутствие (потенциальное присутствие) всех форм. Она — материал для формотворчества. Она совечна богу. В этом смысле ее роль антитезы к бытующим вещам ослаблена. Носителями бессубстанциональных качеств выступают аристотелевские стихии-начала, переформулированные в алхимической практике в *ртуть, серу и соль*. Поскольку качества бессубстанциональны, то о их мере говорить трудно. Вместе с тем семантическая тождественность *принципиальной ртути* (ртуть как принцип) и ртути-вещества, например, ведет к смешению элемента-качества и элемента-вещества. Вот тогда-то и возникает мера совершенства вещи. Если первоматерия расходится на оформленные вещи, то в сущностном смысле вещи родственны друг другу присутствием в них некоего, пронизывающего их все, протоя — *квинтэссенции*. Она принципиально бесформенна — дробно «эссенциальна». А это не характерно для христианства, религии воплощения. Внехристианская алхимическая — так сказать, физико-химическая — «эс-